

2 БӨЛІМ.
ХРОНИКА. ОҚИҒАЛАР. ТҰЛҒАЛАР

РАЗДЕЛ 2.
ХРОНИКА. СОБЫТИЯ. ПЕРСОНАЛИИ

SECTION 2.
CHRONICLE. EVENTS. PERSONALITIES

«Я НЕ БУДУ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ НА МИРОВЫЕ АВТОРИТЕТЫ...».

Интервью с Бахытжаном Мусахановичем Канапьяновым, поэтом, писателем, переводчиком, сценаристом, кинорежиссёром.

Б.М. Канапьянов родился в 1951 году. Закончил Высшие курсы режиссеров и сценаристов и Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР в Москве; работал сценаристом, режиссером, редактором на киностудиях «Казахфильм» и «Мосфильм», в издательствах Казахстана. Первые стихи были опубликованы в 1975 году в журнале «Простор», затем стихи и поэмы публиковались в периодической печати многих стран мира. Автор свыше тридцати книг поэзии и прозы, вышедших в издательствах Казахстана, России, Украины, США, Великобритании и Малайзии. Лауреат ряда международных литературных премий, среди которых «Алаш», «Тарлан», Всемирного поэтического конкурса (Нью-Йорк, США). Его поэтические произведения переведены на многие языки мира, вошли в литературные антологии стран ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат государственной премии РК имени Абая.

Как вы думаете, может ли поэзия стать способом восстановления утраченных или вытесненных культурных корней в постколониальном контексте?

Вопрос жгучий. Я не буду оглядываться на мировые авторитеты – оглянусь на свою собственную судьбу, всё-таки 75 лет, имею на это право. Поиск корней необходим – без трибун, без демонстраций. Возьмите мировую литературу: Стейнбека, Хемингуэя, Фолкнера – поиск корней всегда присутствует, будь то судьба семьи, города, нескольких поколений.

Возьмите литературу советской эпохи: Шолохов и его «Тихий Дон» – это корни, да ещё какие. Павел Васильев – тоже корни. У Мухтара Ауэзова в романе «Путь Абая», как говорил Каныш Сатпаев, – целая энциклопедия казахской жизни XIX века. Можно перечислять и дальше: Джамбул, Всеволод Иванов, Султанмахмут, Олжас...

Отсюда моя мысль. Сейчас распространено понятие «искусственный интеллект» – для меня оно отчасти чуждо. Всё-таки есть противостояние «букв» и «цифр»: чувственного восприятия мира и мёртвой цифры. Цифра мертва без наполнения буквы. Из букв вышла цифра, а не наоборот.

Допустим, возьмите мою строчку: «Снег нас сблизил с небом». Или (извините, но по рангу в начале был Пушкин и Абай) Пушкина: «Я помню чудное мгновение...». Как ни переставляй слова, чувственного построения у искусственного интеллекта не получится – оно исходит именно из буквы, из живой речи (об этом говорил когда-то конструктивист, поэт Илья Сельвинский).

В ИИ есть что-то, что противостоит «букве» – то есть живому чувственному восприятию мира. Под «буквой» подразумевается, начиная с фольклора, и поэзия, и проза. А под цифрой подразумевается тот самый искусственный интеллект. Но он мертв, эта цифра мертва, без наполнения букв. Все равно из буквы вышла цифра. Это вроде бы очевидно, но приходится объяснять все. Хотя... как посмотреть. К примеру, в Ширазе (Иран) есть усыпальница великого поэта Саади. И там написано – Здесь покоится великий математик Саади. Именно математик, а не поэт. Может быть, именно оттуда, из веков старых мастеров науки и поэзии зарождались самые первые элементы искусственного интеллекта, то есть, опять же, по Пушкину – «поверяя алгеброй гармонию». Это, во-первых, а во-вторых, и далее. Не только точные науки, начиная от аль-Фараби, Авиценны, пришли в Европу, через соответствующие переводы, уже на ряд европейских языков. Пришел и размер, скажем так, сонета – с английским или итальянским ключом. К примеру, возьмем рифмовку рубаи – а, а, б, а. Так или иначе, это все присутствует в сонетах, включая математические числа слогов и ритма, но все одно – вначале было Слово!

Это открытие для меня стало важным. Как будто всё: и рубаи, и айтыс, и сонеты Пушкина – связаны одной глубинной нитью. Ведь европейский сонет тоже отчасти родился из восточной стиховой традиции. Английский, итальянский сонет – всё это одна цепь. Когда начинаешь это понимать, видишь, что поэзия – способ удержать корень, даже если времена тяжёлые.

Поиск корней – необходим. За нами тяжёлое прошлое: столетия и тысячелетия. Но человек остаётся тем же, кем был...

Вы были одним из основателей антиядерного движения «Невада – Семипалатинск». Можно ли назвать существование Семипалатинского полигона не только экологической катастрофой, но и формой исторической травмы казахского народа?

Конечно, можно. Но оглянись опять на свою судьбу. Мы жили тогда в единой стране, у каждого была своя окраина: горная, степная, прииртышская. Я трижды был в Чернобыле, написал об этом книгу – «Аист над Припятью» – её перевели и на украинский язык. Это было раньше, ещё до того, как Олжас Омарович провозгласил

движение «Невада – Семипалатинск» в феврале 1989 года. Я был в Чернобыле в 1986 году.

Книга выходила с большим трудом: цензура, отправка в Москву на проверку... Но при помощи Бориса Олейника, украинского поэта, и других поэтов-москвичей, книга всё-таки увидела свет – и на русском, и на казахском. Мне удалось, как уроженцу этих мест, передать боль людей той земли. Чернобыль ли, Курчатов ли – радиация не знает границ – это я почувствовал остро.

Когда страна начала давать трещину в эпоху Горбачёва, разговоры о полигонах наконец начались. И движение «Невада – Семипалатинск», конечно, сыграло огромную роль – и моя небольшая доля там есть. Замолчали все полигоны, и до сих пор молчат. Во многом это заслуга Олжаса Сулейменова, и моя отчасти, других многочисленных борцов за мир.

О Сахарове у людей двойственное отношение: он получил Нобелевскую премию, но он же автор водородной бомбы. История сложная. Но важнее другое: там, где полигон, – наша «Ясная поляна». Сколько талантливых поэтов и людей ушли рано, неизвестными. Я писал об этом. Есть у меня и стихи, и проза о тех местах.

Как ваша переводческая деятельность, функционирование в двух языках, влияет на ваше поэтическое мышление и язык? Как двуязычие отражается в творчестве?

Начну с Пушкина: у него есть великое выражение «странные сближения». Кстати, и у Олжаса Сулейменова прослеживаются темы тюркославистики Дешт-и-Кыпчака – это тоже сближение. Выражение «странные сближения» точно отражает то, что происходит на молекулярном уровне между языками. Кириллица и тюркские языки имеют гораздо больше точек соприкосновения, чем кажется.

Я не поленился – месяц листал четырёхтомник Даля и выписывал тюркизмы. Их можно собрать в отдельный объёмный том, даже больше! Это и есть эти самые «странные сближения».

Когда я переводил, например, большие эпические произведения, поэму «Кыз Жибек», объёмом как «Евгений Онегин», – я чувствовал, как поэзия одного языка естественно входит в другой. Еще в 80-е годы, когда я учился в Литинституте, Межиров Александр Петрович – большой мастер перевода на высших литературных курсах – сказал мне: «Переводи, у тебя получится».

Мне легко было переводить, но долго: пять лет переводил, пять лет ждал публикации. Во время работы даже моя супруга отметила: «Опять ты своей “кызжибечиной” занимаешься». Но любовь к казахской поэзии всегда была: казахская женщина в истории – образ гордый, свободный. Переводить такие вещи нужно с особым чувством. Например, эпизод, где Кыз Жибек входит в юрту Тулегена. Она с чувством собственной гордости пришла к нему, а это семнадцатый век. Эта история перевода стала уже моей семейной историей. Писатель, дед моей супруги Галым Ахмедов, человек, который в 1920-е годы в Оренбурге виделся с Сергеем Есениным, в 1946-м году приехал из Алма-Аты в Москву для встречи с Анной Ахматовой, чтобы поговорить с ней на тему перевода казахского эпоса. Анна Ахматова согласилась переводить, но позже ей не дали этого сделать. Это отдельная,

тоже интересная тема. Он помогал мне переводить: знал тексты наизусть. Когда доходили до интонационно трудных или интимных мест, он подсказывал – как передать их по-русски, не потеряв достоинства и поэтической правды. Например, когда мы дошли до момента, когда Кыз Жибек пришла к Тулегену и потеряла невинность в юрте. Ну как описать это? Ватага переводчиков переводила уже, но их перевод забраковали. Вот же наш вариант перевода первой ночи любви:

*Случилось то, что быть должно,
Что в юности нам суждено
впервые в жизни испытать
и что не надо объяснять.*

Или же:

*Наш Тулеген, наш ер-жигит
весь в пламени любви горит.
Девичий расколос орех,
он сном возлюбленного спит.*

На каком бы языке это не было – первооснова перевода моя, а основа перевода – казахская, народная. Этот текст потом перевели и на английский, и на польский, и на немецкий.

Я переводил и Абая, и Магжана. Когда Брюсов услышал стихи Магжана Жумабаева, он сразу понял: перед ним – «казахский Пушкин». Вот послушайте мой перевод стихотворения Магжана «Настроение»:

*Не в ладах я с настроением,
Вспыхнув, гаснет в тот же час
И с моим разумным мнением
Не согласно всякий раз.
Как младенец прихотливый,
Все повелевает мной.
Настроение бес строптивый
Не проходит стороной.
И – моей любви объятья
Манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
И – в слезах купаюсь я.
Сердце, чувствами пылая,
Волею самих небес
Увлечет, увя, не зная,
Что опять вселился бес.
Без стыда он крутил вертел...
Остается у меня
После ночи только пепел,
Только пепел без огня.*

Благодаря моему переводу, это стихотворение вышло на русском языке и было переведено на другие языки. В первую очередь откликнулись французы...

Можно ли посредством одного языка передать культуру другого народа – например, казахскую культуру посредством русского языка?

Все-таки Абая не удалось перевести. Поэзия, философия Абая в оригинале для многих казахов непонятны, а переводы вообще неудачны. Я считаю, что сначала Абая стоило бы переводить через турецкий мир: на турецкий, а потом уже на европейские языки, и лишь затем – на русский. Но это моё субъективное мнение.

Однако есть примеры удачных переводов культуры. Мы узнали Роберта Бернса и его культуру благодаря Маршаку. Узнали Шекспира и культуру Англии через Пастернака. Узнали «Гайавату» – через Лонгфелло в переводе Бунина. Поэзия действительно «идёт с фонарём»: сначала светит образами, затем идёт смысл.

В нашем советском прошлом Расула Гамзатова узнали благодаря переводчику Науму Гребневу и Якову Козловскому; поэзию Навои, ирано-персидскую поэзию, эпос «Манас» узнали также через переводчиков.

И опять же здесь я склонен считать по-своему: буква и цифра, дополняя друг друга, могут дать высокохудожественный симбиоз.

В стихотворении «Позабитый мной с детства язык...», в рассказе «За хлебом» вы затрагиваете проблему «пресловутого двуязычия». Как вы считаете, актуальна ли эта проблема сейчас?

В рассказе «За хлебом» действие происходит в Павлодаре. Я жил тогда возле старой мечети. Нянька тогда меня послала за хлебом, и все это происходит на углу между улицами Машхура Жусупа и Толстого.

Когда-то была действительно проблема с большим знаком минус. Действительно, жили в стране Советов, все знали русский язык, особенно Казахстан. Исчезали казахские школы. Происходило и хорошее, и не очень хорошее наводнение русского языка.

Мы это чувствовали и понимали. Но воспринимали эту тему как табу, когда исчезали школы, например, на миллионный город Алма-Ату одна только казахская школа была. Это, действительно, была проблема. И благодаря Олжасу Сулейменову и другим, в первую очередь русскоязычным казахам и мне отчасти, эта ситуация начала исправляться.

Во время декабрьских событий 1986 года по поводу моего стихотворения мой друг поэт Бахыт Кенжеев (он тогда уже жил в Канаде) начал по радио Канады читать мое стихотворение, чтобы меня поддержать. Казалось, все следили за этим процессом. На заседании секретарь ЦК по идеологии цитировал мое стихотворение, думая, что зал будет негодовать.

*Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.*

Зал же чуть не аплодировал. Ну, время уже было такое, невозвратное. Поэт всегда чувствует: трещина мира проходит через сердце поэта, как у Гейне. Единственный человек, интеллигент-идеолог, секретарь по идеологии, Узбекали Джанибеков меня разыскал, пригласил и сказал: «Ты любишь фольклор, и только этим одним будешь полезен народу, как Пушкин». Были такие люди, как Камал Смаилов, Олжас Сулейменов, Асанали Ашимов. Все они дети XX съезда.

Это стихотворение можно анализировать и по политическим, и по языковым, и по каким-то внутренним аспектам, и находить свое. Текст – это как *tabula rasa*.

Можно рассмотреть его как просто стихотворение, а можно рассмотреть с точки зрения поэта, то есть моего авторства.

В вашей поэзии, в вашей прозе во многом фигурируют элементы казахской культуры, слова казахского языка, тюркизмы. В этой связи считаете ли вы себя транскультурным или транслингвальным поэтом, писателем?

Ну, поэтом я себя считаю без каких-либо прилагательных. Писателем, прозаиком тоже. Хотя бывают интересные случаи. Французы, которые издавали мою книгу, сказали: «Бахытжан – для французского читателя имя не звучит, и всё. Ты не предашь имя, которым тебя нарекли родители. Мы тебя назовем Жан Бахыт». Действительно, для французского читателя это было привычнее, роднее, нежели Бахытжан. Поменялись местами компоненты в имени.

А вообще, если говорить по сути вашего вопроса, здесь важно другое. Почему, например, так трудно было переводить «Евгения Онегина» на английский? Даже у Набокова были проблемы. Потому что там нет нагромождения метафор, как у Вознесенского, например. Это ведь летопись салонной жизни, сельской жизни России. А что главное в переводе? Важно переводить образ, метафору. Возьмите того же Вознесенского, его метафоры, или Беллу Ахмадулину. Возьмите знаменитую метафору Андрея Вознесенского:

Тишины хочу, тишины.

... нервы, что ли, обожжены.

«...»

и из псов, как из зажигалок,

светят тихие языки.

Попробуйте перевести это на любой язык – и метафора зазвучит.

Интервью проведено Ю.С. Мельничук, подготовлено к публикации З.К. Темиргазиной, Е.П. Гараниной.

19 декабря 2025 г.